

Рука, ощупывающая внешние предметы, дает слепому все, что дает нам глаз, за исключением окрашенности предметов и чувствования вдаль, за пределы длины руки.

И. М. Сеченов

Когда гаснет телесное око, загорается око ума.

Виктор Гюго

ОТ АВТОРА:

Все события, описанные в романе, являются вымыслом. Отделение транспортной полиции, где происходит часть событий книги, ничего общего с существующим линейным отделом транспортной полиции Ленинградского вокзала не имеет. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение имен героев.

Пролог

Москва, апрель, 1988 год

— Хорошенькая, — улыбнулась Ира, глядя на вопящий щекастый комочек в руках акушерки, и расплакалась от счастья.

— Вес — 3200. Рост — 58 сантиметров. Баскетболисткой будет, — пошутил неонатолог, высокий и острый, как карандаш, мужик.

— Художницей она будет, — возразила Ира. — В деда девочка. Чую — его порода. Он был самый настоящий талант. Только не успел себя реализовать. В Строгановку поступил с первого раза, но учиться не вышло. Из-за войны. На фронт ушел. А когда вернулся, такое время настало, что не до творчества было. Страну пришлось поднимать. На завод пошел работать, передовиком стал. Алешка, когда вырастет, обязательно Строгановку окончит...

— Мамаша, у вас девочка! — строго напомнила акушерка, усталая тетка с отекившим лицом. Была она крайне неприветливой особой, но в данную минуту Ира любила весь мир. Даже эту оплывшую сволочь, которая постоянно ее унижала и подкалывала во время родов. Какое ее дело, есть муж или нет? Какое ее дело, во сколько лет она решила завести ребенка? Почему раньше не родила — не ее собачье дело! Спасибо, хоть роды провела нормально и не оставляла одну. Правда, пару раз шастала чай пить с шоколадкой, которую Ира на роды прихватила. Врач на нее только взглянул, осмотрел вначале, а потом явился во время потуг и чуть не сломал ей ребра, надавив своим весом на живот. После этих манипуляций Алешка выскочила на свет, как пробка из бутылки. Ее Алешка. Белоснежка. Чудо. Красавица.

— Имя, наверное, от Алены производное? — заметил неонатолог. — Сестрица моя племянницу Леночку тоже Алешкой величает. Такая шан-

тропень растет. Вы поосторожней с мужскими именами, мамаша. Вырастет разбойницей.

— Вот и я говорю, что за мода такая мужскими именами девок называть, — буркнула акушерка. — То Слава, то Валера. Теперь снова-здорово — Алешка! От Ленки производная — Алена.

— Кончай бухтеть, Октябрина Петровна. Нормальное имя. По мне, так лучше, чем все эти новомодные Симоны, Марианны и Кристины. Язык сломаешь. Не знаешь, Зурабов сегодня на дежурстве?

— Ушел уже.

— Как появится, скажи, чтобы посмотрел девочку, — добавил врач тихо. — Ну все, я здесь кончил. Если что, я в отделении реанимации. Мальца сегодняшнего проведу.

— Проверь, не проверь, а не жилец он, — вздохнула акушерка. — Рожают козы поздно, а потом удивляются, что дети больные выходят. — Октябрина Петровна умолкла и покосилась на рожицу.

Ира слов акушерки не слышала. Маленькая девочка с белой челочкой и большими фиолетовыми глазами заслонила все вокруг. Боль, обида и страх, которые Ира чувствовала всего несколько минут назад, забылись. Осталось только счастье, которое бежало по венам, превращая кровь в искрящиеся пузырьки шампанского.

— Алешка моя станет знаменитой художницей. Она весь мир покорит. Я все для того делаю. Станет обязательно. Вот увидите, — тараторила Ира, словно боясь, что ее перебьют. — Мне

говорили, что дети некрасивыми рождаются. Выходит, врали. Моя красавицей родилась. Она чудо, да? Посмотрите. Посмотрите на нее! Хорошо, что на меня не похожа. Я-то мышь серая. А дочка другого колера будет. Райской птицей вырастет. Натуральной блондинкой.

— Да посмотрим, посмотрим мы на твою раскрасавицу. Художницей, говоришь, будет? Верю. Не успела на свет явиться — разрисовала все вокруг, — раздраженно заметила акушерка, меняя пеленку под будущей художницей. Завернув малышку в одеяло, акушерка уложила Алешку в куветик под лампу и вернулась к Ирине. — Ну что, голубушка, готова? — спросила она.

— К чему? — удивилась Ирина, ей казалось, что все уже закончилось.

— Сейчас тебя заштопаю маленько, и поедешь в палату спать. Шовчик внешний, так что отключать тебя не будем. Раз-два, и все дела. Смотри только орать не вздумай. Терпи. Ты сегодня пятая за смену. Голова от вашего ора раскалывается.

Ира не кричала. Она потеряла от боли сознание. Очнулась в двухместной палате. Соседняя койка пустовала. Родила она ночью, а сейчас солнце висело в зените, заглядывало в комнату. Неужели она первое кормление проспала? Почему ее не разбудили? Почему не принесли ребенка? Сердце в груди глухо ухнуло, на лбу выступили капли пота, во рту стало сухо и сладко. Она резко села и зажмурилась, комната закружилась, как бешеная карусель. Ира облизнула пересох-

шие губы, дотянулась до графина с водой, который стоял на тумбочке, сделала несколько глотков. Тошнота отпустила. Ирина осторожно слезла с высокой кровати, доковыляла по стене до двери, вышла в коридор и поплелась на пост. Акушерка встретилась по пути.

— Очухалась, Симакова? Ну и напугала ты нас вчера. Кровотечение открылось у тебя. Пришлось снова бригаду вызывать, наркоз вводить и чистить. Тошнит?

Ирина отрицательно покачала головой, спросила шепотом, где дочь. Говорить было невыносимо трудно, ее высокий голос словно цеплялся за что-то на выходе и шуршал, как пересушенный лист.

— В палату возвращайся шагом марш. Давай-давай, шлепай. Минут через пятнадцать к тебе загляну. Грелку со льдом принесу, — равнодушно сказала акушерка и прошла дальше. Ирина осталась стоять в коридоре не в силах пошевелиться.

Две медсестры провезли мимо тележки с орущими кулечками, уложенными в рядок. Ирина проводила тележки взглядом и вздохнула с облегчением. Теперь ясно, почему Алешку не привезли. Она, мать, отходила после наркоза. Значит, скоро привезут ее лапушку. Она наконец-то рассмотрит малышку как следует, возьмет на руки, приложит к груди, вдохнет молочный запах пушистых волосиков, поцелует пяточки, щечки, носик.

Желание увидеть ребенка было таким силь-

ным, что она сорвалась с места, бегом вернулась в палату и села ждать. За стеной кричали младенцы. Тележки с глухим звуком проехали мимо ее двери несколько раз. Вместо акушерки в палате появился неонатолог, усталый и виноватый. Случилось что-то ужасное, мелькнуло в голове. В груди защемило, холодный страх пополз по позвоночнику. От накатившего ужаса Ирина застучала зубами, ей казалось, что на всю палату.

Василий Петрович присел на стульчик рядом с кроватью, погладил ее по окоченевшей руке, отвел взгляд, задумчиво рассматривая весенний пейзаж за окном, откашлялся, начал что-то ей втолковывать на непонятном медицинском языке. Ира потрясенно смотрела на врача, пытаясь уловить смысл его слов, но ничего не понимала! Врожденный амавроз. Амавроз. Как это понимать? Что это значит? А потом в голове застучало. Врожденный порок. Врожденный порок. Врожденный порок...

— Мне очень жаль, — развел руками доктор. — Ваша дочь родилась абсолютно слепой. Вчера, когда я осматривал ребенка, обратил внимание, что у малышки полное отсутствие реакции зрачков на свет и легкое помутнение сетчатки. Сегодня офтальмолог подтвердил мои опасения. Предварительный диагноз «врожденный амавроз Лебера», редкая форма наследственного заболевания. Обычно в первые полгода проявляется, но при рождении тоже бывает. Сожалею, очень сожалею. У вас есть родственники, кто страдал подобным недугом?

Ирина отрицательно покачала головой, шепнула сквозь горькую сухость во рту:

— Возможно, у отца ребенка... Я точно не знаю. Господи, как же так? Как это может быть? Невозможно! Моя дочка не может быть слепой. Она же художница! Художница! — Язык заплетался, мысли путались. Неонатолог смотрел на нее с сочувствием и молчал. — Доктор, это ошибка! — настаивала она. — Я совершенно здорова! У меня зрение стопроцентное. А мама только сейчас заказала себе очки. Дальнозоркость развилась с возрастом. Беременность протекала без патологий. Анализы были идеальные. Вы ошиблись, доктор!

Неонатолог отрицательно покачал головой:

— Понимаю, в это сложно поверить, но так случается. Дети рождаются с патологиями развития у совершенно здоровых родителей, — сказал доктор, глаза его сделались совершенно большими. — Ничего не поделать, ничего не изменить. У вас есть возможность отказаться от ребенка. В этом случае малышку отправят в специальный интернат, где созданы все условия для таких детей. О вашей дочери позаботится государство. Она не будет ни в чем нуждаться. Дома вы ей такой уход обеспечить не сможете. Решайтесь. — Неонатолог посмотрел на часы и снова уставился в окно, покусывая губы, как нашкодившая первоклассница. Некоторое время в палате стояла тишина. Ирина слышала только стук своего сердца, а потом сердце вдруг остановилось.

— Да как вы смеете? — потрясенно прошепта-

ла она, ярость накрыла ее с головой. — Да как вы... Как вы... — Она схватила графин с тумбочки, выплеснула воду в лицо доктору и швырнула емкость о стену. Россыпь осколков разлетелась по полу, забрызгала казенные тумбочки и покрывало на соседней койке.

— Дура! — выругался неонатолог, вытирая лицо рукавом халата. — Ты себе представить даже не можешь, что тебя ждет! Как тяжело иметь ребенка-инвалида в нашей стране! Как трудно незрячего ребенка воспитывать и обучать. Сколько сил тебе придется потратить. Сколько нервов. Ты будешь всю жизнь ее опекать, водить за ручку. Я больше тебе скажу: сейчас пока рано окончательный диагноз ставить, но если офтальмолог прав и это врожденный амавроз Лебера, то в будущем возможны соматические нарушения. Задержка роста и психического развития, умственная отсталость, снижение слуха и другие серьезные проблемы со здоровьем. Всю жизнь ты будешь бегать по врачам и работать на лекарства, носиться по инстанциям, унижаться, выбивать положенные льготы для своего ребенка. Тебе придется доказывать людям, что твой ребенок не хуже других, и мучиться чувством собственной вины. Ты будешь завидовать мамашам, у которых зрячие дети, ненавидеть этих детей и умирать от ненависти к себе. Ты ведь даже не замужем. Мать-одиночка! Так и останешься одна. Ни один мужик не возьмет на себя такую обузу. Подумай, стоит ли калечить свою жизнь. Подумай... У тебя есть еще шанс родить здорового ре-

бенка. Годик подождешь, восстановишься после родов и...

— Пошел вон! — сквозь зубы процедила Ирина. — Даже если бы ребенок родился без рук и без ног... Даже если бы родился уродливой обезьяной! Я никогда бы не написала отказ! Сволочи! Какие же вы сволочи! Да как вы можете? Как смеете! Где моя дочь? Немедленно отдайте мне ребенка!

— Вот и умница, — устало сказал доктор и поднялся, сунул костлявые руки в карманы. — Прости, обязан был тебя предупредить. Тяжело будет, но ты справишься. Сейчас скажу сестре, чтобы принесли твою Алешку. Она у тебя красавица. В выписке адреса и телефоны напишу, куда следует обратиться. — Василий Петрович побрел к выходу, в дверях обернулся: — Себя не вини. Нет твоей вины в этом. Прими то, что есть. Всякое в жизни случается, ничего не поделаешь. Бывают, конечно, чудеса. Наука идет вперед. Глядишь, ученые изобретут методы лечения амавроза Лебера. Ну, счастливо тебе и дочке!

«Бывают в жизни чудеса», — за последнюю фразу доктора Ира ухватилась как за соломинку. Верить в то, что дочь никогда не увидит солнца, было невыносимо.

Глава 1

НЕУДАЧНИК

Москва. Наше время

Всего один шаг... Темная пасть реки. Перламутр отблесков огней. Холодно. Поздняя осень. Колючий снег царапает кожу. Тонкая курточка. Спина взмокла. Губы соленые... Руки вцепились в литые перила моста. Остыла душа. Один шаг... Господи, прости!..

— Господи, ну сходишь ты за хлебом наконец или нет! Сил моих больше нет! Один шаг ведь до магазина! — раздался над ухом раздраженный женский голос.

Коновалов с треском захлопнул крышку ноутбука и угрюмо посмотрел на жену. Вечно она лезет в самый кульминационный момент. «Убил бы!» — подумал Лева, но вслух сказал сдержанно:

— Людочка, ну я же просил! Я умолял не отвлекать меня во время работы!

— Тоже мне, Достоевский! — саркастически заметила Людочка. — Работает он! Это я пашу с утра до вечера как проклятая! А ты задницу просяживаешь перед монитором. Бумагомаратель! Гений недорезанный! Работает он. Сколько можно! Обещаниями только кормишь. Я устала на себе все тащить! Вся жизнь из-за тебя напере-

косяк! Угораздило же меня выйти за тебя замуж. Пойдешь за хлебом или нет?

— Пойду, пойду... — проворчал Коновалов, вскочил, вырвал у жены из рук авоську и деньги и вылетел из комнаты. «Пойду сейчас и утоплюсь», — мстительно решил он, снимая с вешалки шляпу и плащ.

— Не вздумай утопиться! Вижу по глазам, опять двадцать пять. Так и знай — домой не пущу! И апельсины с бульоном я тебе в психушку таскать больше не собираюсь! — завопила жена вслед.

— Ведьма, опять мысли читает, — буркнул Коновалов себе под нос, засунул авоську в карман и демонстративно хлопнул дверью.

Он вышел в прохладный вечер и маршевым шагом направил свои стопы в сторону набережной. В голове крутились последние фразы его романа: «Всего один шаг... Темная пасть реки. Перламутр отблесков огней. Холодно...»

— Туфта! Графомань голимая! — выругался Коновалов и почувствовал неприятный холод в ногах. Лева замер посреди пустынной набережной и посмотрел вниз. Вместо ботинок на ступнях были любимые тапки!

Он задумчиво пошевелил пальцами ног и решил, что как-то неправильно прощаться с брэнной жизнью без ботинок. Да и носки у него не первой свежести, с дыркой на пятке. Со свежестью, впрочем, проблема решится быстро, а вот с дыркой... Выловят его тело из мутных вод реки, а у него конфуз такой. Что люди подумают?

Людку опять же жалко. Она, само собой, порадуеться, что наконец-то избавилась от неудачника-мужа, но похороны в наше время дело накладное, а денег у нее нет.

Лева в некотором роде предусмотрел этот щекотливый момент и оставил прощальное письмо, где четко обозначил свою волю: после кончины его скромно проводить, никаких поминок не устраивать, торжественных речей не говорить, выпить водки и развеять его прах в деревне Перелипкино, откуда родом его предки. Однако надеяться на супругу нельзя. Людка упряма как ослица и человек мещанской ментальности. Все бы ей сделать как у людей. Похоронит ведь, зараза, в строгом костюме и галстукке, поминки устроит с помпой, памятник на могилке поставит гранитный, созовет бомонд. Вальку, актрису из детского музыкального театра, которая Бабуягу играет, причем без грима, подружку свою любимую. И Парамонову, художницу с Арбата. Алкашку-карикатуристку авангардной наружности. Коновалова аж передернуло от мысли, что за персонажи будут рыдать над его бранным телом. И памятники нынче дорогие. В долги влезет или, того хуже, кредит возьмет. Пахать придется вдвое больше, а у нее спина больная и ноги отекают. Здоровье надорвет, не дай бог, сляжет. И будет проклинать его до самой своей смерти. Мало ему проблем на этом свете. Изгрызла, зараза, вечными придирками. Никакого покоя и на том свете не будет. Желание покончить с собой таяло, как бархат растворяющегося в ночи

вечера, но покаянная грусть в душе еще плескалась.

Людку можно понять, но разве он виноват, что планида у него такая, писать в стол. Все его высокохудожественные старания никто не ценит. Никто не покупает его прозу с глубоким философским смыслом. Неформат. Сначала Лева держался, то слепых издателей ругал, то глупых читателей, но в последнее время все чаще накатывала меланхолия. Понял он, что причины неудач в нем самом. Графоман он и жалкий неудачник. Пару попыток суицида Лева уже предпринял, правда, безуспешных. Как только он падал в реку, включался автоматом инстинкт самосохранения, воскресали знания, полученные в школьной секции плавания. Лева сам не понимал, как оказывался на берегу. Последняя попытка и вовсе закончилась неприятно. Коновалов даже прыгнуть не успел, только готовился стартовать в последний путь, вскарабкавшись на чугунные перила набережной, как подъехала «Скорая психиатрическая помощь». Людка, зараза, вызвала. Месяц Лев Борисович провел в отделении для душевнобольных, словно он псих! А он не сумасшедший! Просто устал бороться за место под солнцем и не желает быть обузой. Устал...

Ничего, кроме как писать, Лева не умел, а сочинять то, что приносило бы хоть какую-то прибыль, — не мог. Даже коммерческие рассказы, которые Лев Коновалов, наступив кирзовым сапогом на горло своим принципам, написал ради

заработка и попытался пристроить в нескольких дамских журналах под псевдонимом Лена Валова, и те отвергли. С журналистикой тоже не сложилось. На «джинсу» Лева категорически не соглашался, а статьи его, по мнению редакторов, отличались излишней заумью и не отражали правды жизни.

В перерывах между попытками пристроить рукописи и заработать Лева продолжал писать свой главный роман, который непременно должен стать бестселлером и вознести Коновалова на вершину литературного Олимпа. Он так старался, сосредоточив на будущем шедевре все свои усилия и творческий потенциал, что потенциала стало не хватать на жену. О чем Людочка заявила ему со свойственной ей прямоотой. Мало того, супруга добавила, что потенциала ей никогда не хватало, и назвала Леву клиническим импотентом. Удар был ниже пояса. Лева захлопнул ноутбук и попытался доказать жене обратное, но ничего не вышло! В тот злополучный день Коновалов впервые попытался свести счеты с жизнью. И это не получилось. Однако Людочка сразу присмирела и окружила его заботой и вниманием.

На радостях Лева накатал пару глав будущего бестселлера, осчастливил жену и нашел неплохую работу литературного критика в одном авторитетном издании. Служба оказалась непыльная и приносила хоть какой-то доход. В семье воцарился мир. Несколько месяцев он честно читал присланные книги и с воодушевлением

строчил разгромные рецензии на современную коммерческую прозу. Счастье длилось недолго. Один молодой модный литератор сильно обиделся на его критическую заметку и объявил Лева войну. Нервный писатель ему попался. Сначала в своем блоге его приложил, наградив всяческими унижительными эпитетами. Коновалов не растерялся и настроил еще одну рецензию, где распял автора, как бабочку. Тот взбесился всерьез, накатал критическую заметку на разгромную статью Левы, используя исключительно нецензурную лексику, и принялся заваливать электронный почтовый ящик Коновалова гневными письмами. В переводе на литературный язык суть его претензий означала, что Коновалов мерзкий завистник, графоман, бездарность и неудачник. В завершение всего модный литератор вызвал критика на дуэль. Лева брошенную «перчатку» с достоинством принял, решив по наивности, что автор вызвал его на дуэль литературную. То обстоятельство, что встречу писатель назначил ему поздним вечером в парке, Коновалова не смутило.

Лева приехал в условленное место в прекрасном расположении духа. С собой он захватил диктофон, чтобы обговорить условия будущей литературной дуэли, а заодно интервью у литератора взять для журнала, дабы умастить его непомерное тщеславие. Каково же было его удивление, когда вместо ручки и блокнота «дуэлянт» достал из сумки бейсбольную битку и отфигачил нечастного Леву так, что тот очнулся в Склифе с